

АРХИВ «ЛГ»

НЕИЗВЕСТНЫЕ
СТРАНИЦЫ
ИЗВЕСТНОЙ КНИГИ

ПЕРЕПИСКА ПОЭТА
С ЧИТАТЕЛЯМИ

ИЗ НАШЕЙ ПОЧТЫ

Некоторым может показаться, что я в этих отрывках гонюсь за какой-то индивидуалистической ерундой, как-то хочу выпятить себя, свое отношение к миру. Это не так. Я хочу, чтобы у нас писали хорошо. И у меня есть надежда, что я могу кое-как помочь в этом отношении. О, ни в коем случае эта книга не является выпадом против кого бы то ни было!

Вчера был на футбольном матче на стадионе «Динамо». Играли «Спартак» и ЦДКА.

В этот год «Спартак» теряет первенство. Во всяком случае так кажется, так как сейчас команды финишируют, а «Спартак» даже после вчерашнего матча, который он выиграл, находится на третьем и на четвертом месте (делит третье и четвертое место с ЦДКА).

День был холодный, почти морозный. Когда смотришь матч, холода не чувствуешь — отвлекает зрелище. Чувствуешь, что продрог, только в перерыве. Тогда все, чтобы согреться, топчут ногами. Несмотря на холод, публики было очень много, полный стадион. Публика, которая не принята — воскресная, как на премьер в театре. Дамы, известные люди. Кушают бутерброды, огазывают, стоят в проходах, перекликаясь со знакомыми. В футболе понимают мало. Я не люблю этой публики больших матчей.

Так как я очень люблю капитана команды «Спартак» Андрея Петровича Старостина, то мне хотелось, чтобы выиграл «Спартак». Это по дружбе, из чувства симпатии к очень милому человеку. Но спортивно мне хотелось, чтобы выиграл ЦДКА, так как там играет поразительный меня центрфорвард Григорий Федотов. Этот Федотов, действительно великолепный игрок, является сейчас сенсационной фигурой в Москве. О нем знают и говорят даже те, кто не ходит на футбол.

У ограды стадиона я встретил шофера Старостина. Шофера называют Ваня. Он снял кожаную перчатку и протянул мне руку. Он помнит мое имя-отчество. Он сказал, что Андрей Петрович прошел на стадион и что с ним Александр Александрович. Сперва я не понял, что это Александр Александрович, а потом сообразил, что это Фадеев. Из афишки я узнал, что Старостин сегодня в матче не участвует, и я спросил шофера о причине. Шофер сказал, что у него что-то с пахом.

Было интересно думать, что где-то на трибунах будет сидеть Фадеев и смотреть матч.

Первый великолепный гол спартаковцы забили на первой же минуте. Новый гражданин СССР, польский игрок Габовский, подал с правого края, и Алексей Соколов забил гол. Он так разлетелся, что, забив гол, влетел сам в ворота и уже, вероятно, от радости, что забил гол, повис на сетке, уцепившись за нее руками. Он висел некоторое время, и поле аплодировало и смеялось.

Примерно на десятой минуте, в то время, когда у ворот «Спартака» произошли свалка, вдруг Федотов отделился от общей кучи игроков у самых ворот и стал отходить к лицевой линии, уже по виду не участвуя в игре.

Он шел согнувшись, видимо, страдая, и держал левой рукой правую руку у плеча, и эта рука, видимо, поврежденная, висела неестественно прямо по направлению к земле и выделялась на всей его фигуре этой неестественной для согнутой фигуры прямой. Рука в красном, обтягивающем ее рукаве.

Федотов вывихнул руку. Игра не остановилась. Федотов вышел за лицевую линию, его окружили сразу устремившиеся к нему люди, среди которых был врач с повязкой и чемоданом. Федотов, который, как это видно было, сдерживал себя, чтобы внешне не выразить страдания, сел на скамью, и, когда к нему кто-то из окружающих нагнулся, он приткнулся головой к этому человеку. Так ему было больно. Сразу очутившись вне игры, то есть сразу сделавшись обыкновенным человеком и, кроме того, еще страдающим, он не мог остаться в положении человека, легко одетого и не чувствующего в холодный день холода, и поэтому на него тотчас же набросили чью-то кожаную куртку.

Все время продолжалась игра, и сама по себе продолжалась сцена у лицевых ворот, где на скамейке, окруженный людьми, сидел знаменитый игрок, над которым склонился проделывающий какие-то манипуляции врач. Потом Федотов, который шел, так же согнувшись, как он уходил с поля, и так же поддерживая у плеча прямо висящую руку, повели вдоль северных трибун. Из-под висящей на нем кожаной куртки виднелась кусками его яркая одежда футболиста.

Обычно, когда игрок покидает поле, этот путь совершается в направлении подземного хода, находящегося в восточном углу поля, откуда обычно выбегают

дать себе отчет о первом, свежем звучании этой повести, где изображен нигилист — причем изображен так обаятельно.

— Аркадий, не говори красиво!

Это было сказано впервые... Повторенное тысячи раз и повторяемое до сих пор это было сказано тогда — подчеркнем себе — впервые.

Самоотверженная любовь к науке, приводящая к гибели героя, повторяется потом, кстати говоря, и у Чехова: смерть Дымова в «Прыгуны». Не под влиянием ли того восхищения, которое вызвал у Чехова конец Базарова?

Предполагалась некогда экранизация «Отцов и детей». Ставить должен был В. Э. Мейерхольд. Я спросил его, кого он предполагает пригласить на роль Базарова. Он ответил:

— Маяковского.

Я видел фильмы раннего, совершенно еще немного кино, в которых играет Маяковский. Это, собственно, не фильмы — от фильмов сохранилось только несколько обрывков — странно воспринимать их: трепещущие, бледные, как растекающаяся вода, почти отсутствующие изображения. И на них лицо молодого Маяковского — грустное, страстное, вызывающее бесконечную жалость, лицо сильного и страдающего человека. Игра Маяковского напоминает чем-то игру Чаплина. Это близко: то же понимание, что человек

Уход, отсутствие некоей жизни, которая была и которой теперь нет, ощущается здесь с такой силой, что минута тишина в этом доме становится почти реальным телом.

Здания со статуями о чем-то рассказывают. В немоте этих фигур со свитками, мечами, циркулями ясно слышишь рассказ, повествование. Они рассказывают историю.

Подойдем к этому старцу ближе. Глаз у него нет, есть только их вырез, но кажется, что видишь глаза, которые смотрят вверх. Он держит циркуль. Кто это, Архимед?

Много, много статуй. На их плечи падают листья, а вечером ляжет лунный свет.

Вот юноша, опустивший впереди себя меч, как бы пересекая кому-то путь. Острые мечи на расстоянии ладони от меня абсолютно неподвижны. Не может не тревожить нас эта абсолютная вечная неподвижность статуй, опущенных носов, лбов, пальцев, чье расположение говорит о беседе, о споре, о бурном доказательстве. Здание со статуями действует на нас озадачивающе. Что-то хочется понять, остановившись возле них. И понимаешь: эти здания говорят, они рассказывают что-то. Что? Историю.

Идешь по луку, приближаясь к статуям. Они бе-

веселых, хохочущих друзей — целой толпы мужчин и женщин, которые исчезли вместе с молодостью... Они еще живы, но уже не блестят их волосы, глаза; уже не острят мужчины, не толпятся у телефона в маленьких салонах ресторанов, вызывая девушек. Может быть, ничего уже не хотят.

Одно из ощущений старения — это то ощущение, когда не чувствуешь в себе ростков будущего. Они всегда чувствовались; то один, то другой вырастали, начинали давать цвет, запах. Теперь их совсем нет. Во мне исчезло будущее!

Дело серьезное. Я, кажется, ничего не сделал, ничего не умею делать. Эта куча, которая лежит в углу комнаты, есть ли это литературное наследство?

Абрам Роом видел в Брюсселе чаплинского «Огни рампы». Всю жизнь я смотрю на этого человека с завистью, с восхищением. Правда, он на редкость свободен. Пожалуй, здесь он хохотал бы — он-то, Чаплин, свободен? Да он зависит от публики! Он может выпустить фильм, который не будет иметь успеха, и тогда конец ему, разорение! Какая ж это свобода?

Абрам Роом был в гостях у бельгийской королевы. Сидели за круглым столом, пили очень хороший чай, ели маленькие бутерброды с сыром, колбасой, вареньем.

— Кто служил за столом?

— Лакей.

Тут это звучит особенно веско. Королева!

Сегодня чуть-чуть морозно. Вот именно — чуть-чуть. Это чуть-чуть скользит по земле в виде серебряных крупинок, останавливается на земле еле заметным узором льда — еветится в небе по фону синевы еще чем-то: каким-то неуловимым движением чего-то...

Иногда, едва вы сомкнули веки, как вдруг в мозг, еще не совсем спящий, вторгается видение — нет, не видение: какая-то ужасная линия, даже, может быть, фраза... Вы переживаете мгновение ни с чем не сравнимого страха. Да и страх ли это? Нет, это уже само несуществование — это уже воздействие на мозг тех клеток, которые пришли в движение, по всей вероятности, по ошибке и которые будут призваны к действию только после смерти.

А иногда в том же мозгу (это как раз происходит к концу ночи, в более поздних сновидениях) появляются видения загородных местностей, ландшафтов несравненной, как бы покинувшей полотна Веронезе, красоты. Что же в таком случае это? Воспоминания? Образы грусти о прошедшей юности? Я сказал бы даже, что появляется одна и та же местность, и когда я просыпаюсь, то мне кажется, что если поискать, как следует, то я найду эту местность где-то в районе Обсерваторного и Студозовского переулка в Одессе.

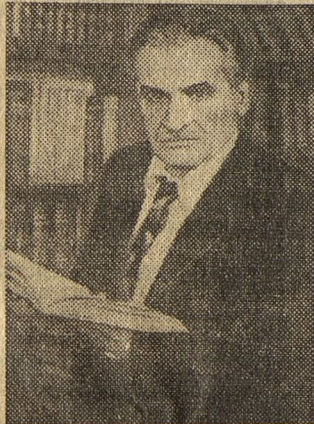
Разве не удивительно, что нашему мозгу представляются именно странные видения? Почему? Кто вызвал нас пугать? Совесть? Или это атавизм, воспоминание о саблезубом тигре, пещерном медведе? Ведь объясняют тот внезапный испуг перед засыпанием, когда человек весь содрогается почти до спазмы мускулов живота, тем, что это есть не что иное, как именно воспоминание о падении с дерева в ту эпоху, когда мы жили на деревьях и, упав среди ночи с дерева, были обречены на гибель...

Что это такое все же — мое появление в мире, мое существование в нем и необходимость из него уйти?

Подумать, в миллионах лет и пространствах существует хрусталик и моей жизни.

Кроме меня, живут разнообразные живые создания. Например, тот странный жучок, который перебирается с кочки на травинку, когда бывает момент, когда он вдруг встает почти отвесно, и когда понятно, почему он именно перебирается, а не быстро движется, — он щит, крохотный щит, который тяжело поднимать на почти невидимых ножках. Как он назывался, этот жук-щит? Я иногда думаю, что и ему дана жизнь — та же жизнь, что и мне, именно та же, потому что вряд ли существуют иные формы жизни, кроме единственной — жизни в смысле ощущения «я живу».

Юрий
ОЛЕША

перед началом матча футболисты. Но Федотов что-то сказал тому, кто его вел, и они свернули с середины пути к главному выходу, откуда входит на трибуны публика. Может быть, ему, как вызывающему у зрителей обычно интерес славы и победы, не хотелось, чтобы его видели и наблюдали за ним в то время, когда он находился в положении, которое могло вызвать не тот интерес, а другой, связанный с тем, что он страдает. Ему, видимо, не хотелось, чтобы на него глядели.

«Спартак» выиграл со счетом 5:0.

Рядом со мной сидел очень здоровый, большой, упитанный и все время что-то покушавший у продащицы съестного человек. Он глупо острил со своими приятелями, и это портило мне удовольствие от матча. Когда он после перерыва протискивался мимо меня с бутербродами в руке, я хотел сказать ему что-нибудь неприятное, но не успел, и кроме того, передо мной была его большая спина в синем пальто, так что мне пришлось бы говорить ему в спину, и он мог бы не услышать. Я сказал, вернее, начал говорить:

— Неужели вы не можете есть бутерброды дома?

Из моего выпада ничего не получилось, так как бутерброды скорее едят как раз в общественных местах, а не дома.

Затем я видел, как упал с лошади юноша. Это все произошло вчера, но я все время вижу и, вероятно, долго буду видеть его лежащую на серой дорожке фигуру в позе человека, загнувшего на боку. У меня было предчувствие, что так случится. Когда объявили, что после окончания матча состоятся конные скачки членов спортивных обществ, в воображении каким-то угрожающим образом соединился вид поля с его очень круто поворачивающимися беговыми дорожками с видом быстро несущегося коня. Я сказал себе, что произойдет несчастный случай. И он произошел.

Зрелище скачек началось с того, что на противоположной стороне в арке показались спускающиеся по деревянному помосту всадники, одетые в цвета своих клубов. Лошади казались большими, всадники, сидевшие с поджатыми ногами, казались маленькими, но от этого их вид казался очень привлекательным.

1940 г.

Чехов восторгается тем, как изобразил Тургенев конец Базарова. Нам трудно

НИ ДНЯ БЕЗ СТРОЧКИ

Книгу «Ни дня без строчки» Юрий Олеся готовил несколько лет. Некоторые фрагменты из нее печатались при жизни писателя.

В его архиве остались груды папок, полных вариантами книги. Далеко не все записи были датированы. Уловить замысел была нелегкая задача. Эту работу выполнил литературовед Михаил Громов. Кни-

га вышла в 1965 году в издательстве «Советская Россия». В будущем году к 75-летию со дня рождения Юрия Карловича Олеши издательство «Художественная литература» предполагает выпустить новое, дополненное издание книги, с избранными страницами которой сегодня впервые знакомится читатель.

О. СУОК-ОЛЕША

обречен на грусть и несчастья, и та же вооруженность против несчастий — поэзией.

Повторяется ли еще у кого-либо из русских писателей такой же колорит, как у Достоевского. Нет, он ни на кого не похож, Достоевский (пока что я говорю только о внешнем колорите)! Он желто-лиловый, он весь, как комната Соня — которая была без углов, только одна неизвестно откуда идущая и куда уходящая стена. Вероятно, желтая — ведь мы видим ее только вечером при свече; вероятно, лиловая — ведь она наполнена платьем девушки из шелка и с турнюром!

Гане — двадцать семь лет. Чувствуются намеки на то, что он красив, щеголь. В сцене у Настасьи Филипповны он, разумеется, во фраке. Что за фраки той эпохи? И вообще щеголь той эпохи — что это? Где будет искать материала Акимов, который, по всей вероятности, будет декоратором спектакля?

Настасья Филипповна, по всей вероятности, одета так же, как и Анна Каренина. Так ли это?

Петербург «Идиота» это совсем не Петербург «Анны Карениной». Ничего нового я не скажу, что первый фантастичен, второй реалистичен. Однако и Достоевский вполне реалистически сообщает о мчащихся по петербургским улицам рысак, что они «звонко достают подковами мостовую». ...Ой, нет! Если прислушаться, то в этом описании есть отголосок «Невского проспекта» — оно, конечно, сродни и лампе диавола, и вытягивающим ноги лошадей экипажей. (Все это проверить.)

В музее Чехова лежит его воротник, галстук, наружный платок, кашне... Галстук, между прочим, голубой, готовая бабочка с длинными полосками для обхвата шеи. Платок мало чем отличается от современных, также и кашне могло бы лежать в витрине на Столешниковом.

* Запись относится ко времени работы Ю. Олеши над инсценировкой романа Достоевского «Идиот»; премьера спектакля в Театре имени Е. Вахтангова состоялась в 1958 г.

лы, некоторые лицом на тебя, другие по краям в профиль. Как это красиво. Подходишь ближе и видишь, что по ним ползают и бьются крыльями насекомые, что у сандалий некоторых на углу цоколя лежит ореховая скорлупа. Если повесят, увидишь выгнувшую из-за ноги Софокла ящерку. Какая тишина! Какая тишина!

Вчера вечером телеграмма из «Мультфильма» о том, чтобы прийти получить деньги по договору на «Три толстяка»; сегодня письмо от образцового театра с предложением подумать о постановке «Трех толстяков» в их театре. Подумать, сколько лет они стоят, так сказать, в повестке дня нашего искусства. Я писал их совсем юным — то в маленькой комнате при типографии «Гудка», где жил с таким же юным Ильфом, то у Катаева в узкой комнате на Мильниковом, то в «Гудке» в промежутках между фельетонами. В комнате при типографии, которая была крохотная — один пол! — я и писал лежа, пользуясь типографским рулоном — несколько, правда, отошавшим, но все же целым бочонком бумаги. Он накатывался на меня, я придерживал его рукой... Другой рукой писал. Это было весело, и тем, что мне весело, я делился с веселым Ильфом. Однажды Ильф разбудил меня среди ночи стоном. Он жаловался на очень сильные, необычные боли в животе. Стало понятно, что нужно раздобыть доктора. Где его раздобыть? Была ночь, молодость, неумелость. Я решил, что выйду на улицу и пойду, ища врача по вывескам. Я вышел, Никитская, Никитские ворота. Вот темный, похожий на уходящий в даль поезд, — Тверской бульвар... Впрочем, не темный, нет! Август, ночь августа, еще полной грудью вздыхают деревья — все прекрасно вокруг, прекрасно! Тут-тук, тут-тук — это я иду по бульвару... Тут-тук... Разом поднимается десяток ветвей, указывает мне путь дерево, все говорит мне о том, что я молод, здоров. Тут-тук, тут-тук... никто не встречается! — я один на свете!

Жаль молодости, как можно пожалеть, что не увидишь милых, красивых,